

Религиозный фактор формирования институтов власти в России

Алексей Ситников

Сильная централизованная власть и государство всегда играли ведущую роль в регулировании политической жизни России. Определяющие факторы формирования этих институтов напрямую были не связаны с религией. Очевидна значимость географического и природно-климатического факторов: необходимость заботиться о том, как выстоять против суровой природы, защитить целостность страны и её огромную территорию от внешней угрозы и т.д. Эти задачи были выполнены лишь за счёт жёсткой регламентирующей деятельности центральной власти, способной мобилизовать все ресурсы, чтобы обеспечить оборону страны. Лишь сильное государство могло защитить гигантскую территорию от агрессивных соседей и поддержать общественный порядок. Неблагоприятные природные условия также были причиной отставания от Запада в темпах экономического роста и промышленного развития – европейские народы на более эффективных в хозяйственном отношении территориях тратили меньше сил и средств на своё жизнеобеспечение.

При этом идентичность русского народа в течение многих веков была тесным образом связана с религией, территорией и государством. Основными для идентичности были религиозные признаки, а не язык и этническая принадлежность. Население определяло себя как православных: «Идентичность была сформирована изнутри путём консолидации религии, церкви и, соответственно, единого Московского государства (начиная примерно с XV в.), а

СИТНИКОВ Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *E-mail:* 2311263@mail.ru

Ключевые слова: власть, государство, легитимация, демократия, ценности, религия, православие.

также на границах, в борьбе с теми народами, которые представлялись отличными от русского... Политическое сознание было определено путём идентификации с правящей династией и противопоставления «другим» народам в периферийных зонах. Религия выполняла в период до начала Нового времени такую же функцию, которую в наше время несёт в себе этничность, заполняя наличное смысловое поле идентичности» [13, с. 52].

По мере того как политическое пространство государства становилось всё более гетерогенным в этническом и конфессиональном плане, ключом к пониманию лояльности оставалось исповедание православной веры. Религия была главным критерием отличия русских от нерусских [13, с. 61–62]. Обращение в православие, являющееся наднациональной религией, и лояльность по отношению к царю означали включение в русское сообщество.

Исторические корни властных отношений в России

Православие стало одним из важных историко-культурных факторов формирования традиционного образа власти. В России легитимация её институтов основывалась на адаптированной к местным реалиям православной византийской модели. Из Византии вместе с православием были перенесены определённые социальные практики, так или иначе связанные с концепциями власти, а также заимствованы некоторые культурные нормы и идеологические доктрины. Появившиеся на Руси представления о царской власти осознавались как результат её ориентации на Византию (которой к тому времени уже не существовало, т.е. ориентировались не на реальную традицию, а на представления о ней).

Неудивительно, что византийская легитимирующая модель значительным образом видоизменяется в

русском контексте. В России появляется представление об особой харизме царя, определяющего специфику российских институтов власти. После возведения на престол Ивана IV необходимым компонентом возведения на царство становится обряд помазания, придававший верховному правителю специфический сакральный статус [14]. Наличие у царя особой харизмы – харизмы власти, которая совершается именно через миропомазание, специально подчёркивалось Русской церковью*.

Конечно, политическая сфера не занимает первостепенное место в сознании православных верующих. Государственный строй, развитие и функционирование институтов власти – не предмет догматики. При любом политическом режиме верующие могут достигать духовного совершенства и святости. Однако пред-

* На Западе под влиянием христианской теологической мысли в Средние века сложилось учение о том, что «король есть двойное существо, человеческое и божественное, точно так же, как и Богочеловек, хотя король двухприроден и удвоен только по благодати и во времени, земной король становится удвоенным существом в результате своего помазания и посвящения, он во всех прочих отношениях обычный человек, *in officio* есть проявление и образ небесного Помазанника и, следовательно, Бога» [10].

ставления об идеальном государстве и правителе отнюдь не чужды сознанию верующих. Они занимают хоть и не главное, но и не последнее место в иерархии православных ценностей. Это связано не только с тем, что действия светской власти могут либо способствовать, либо, напротив, затруднять церковную жизнь. Общий строй традиционного религиозного сознания предполагает освящение власти. Как отмечал Павел Флоренский, в церкви по историческим условиям временно может не быть царя, но место для царя, «уготованный престол» в ней непременно есть. «В лице царя освящается вообще начало гражданской власти» [17].

В модели государственного устройства, окончательно сложившейся в России в имперский период, царь наделялся огромными властными

функциями, на нём замыкалась вся самодержавная система власти. Функции законодательной, исполнительной и судебной власти сосредоточивались в руках императора, хотя реализация их осуществлялась через систему государственных институтов. Всякое сколько-нибудь значимое решение почти на любом её уровне требовало одобрения императора.

Подобного рода моноцентрическое государство со значительным социальным неравенством, отсутствием независимых судебных и законодательных ветвей власти и высоко вознесённой вершиной её пирамиды особо нуждается в лояльности и поддержке населения страны. В этом контексте религиозный фактор может обретать значение не только символа национальной идентичности и самобытной культуры.

Религия и символическая власть

В России политика, направленная на укрепление и сакрализацию государственности, практически всегда поддерживалась значительной частью граждан страны. Даже в советское время важным элементом электоральной культуры была сакрализация высшей власти. Для подобных представлений характерно понимание личных качеств правителя как вторичных по сравнению с его предопределённостью к власти в силу каких-то сверхъестественных причин. Электоральная культура советского типа выглядела как отработанный десятилетиями, имеющий квазирелигиозные корни ритуал подтверждения легитимности «посланной свыше» власти [15].

Возникновение господства одного человека над другими людьми, со-

циальная дифференциация общества требует согласия людей. «Власть существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует» [3]. По мнению П.Бурдьё, поле религии выполняет функцию легитимации и поддержания политического строя в силу того, что способствует сохранению символического порядка. Институты религии закрепляют схемы воспроизводства мышления и действия, которые объективно согласуются с политическими структурами и способны им дать высшую легитимацию. Церковь устанавливает согласие относительно способа упорядочения мира посредством воссоздания общих схем мышления и повторяющегося торжественного утверждения этого согласия [4].

Обладая значительным культурным и символическим капиталом, церковь, по мнению П.Бурдье, конструирует видение деления социального мира и свои позиции в этом мире, предлагает способы его формирования и практические операции, посредством которых воспроизводятся группы. Власть церкви внедрять видение социального мира исходит от её социального авторитета, завоеванного в предшествующий период, когда в результате длительного процесса институционализации она стала доверенным лицом, получившим от различных групп «доверенность» говорить от их имени, являться их официальным выразителем [4].

Совокупность культурных образов, норм поведения и общественной морали, элементов исторической памяти, форм и идеалов государственного и общественного устройства, аутентичный облик российской цивилизации и национальная идентичность – это основа символического капитала Православной церкви в России. В течение многих веков церковь выступала как высший источник легитимности власти, как институт, дающий высшую санкцию на власть.

Содержание символического властного доминирования исторически изменчиво и приобретает разное смысловое наполнение в различные исторические эпохи. Религиозная

легитимация власти, доминировавшая в средневековых обществах, сегодня не встречается в чистом виде, но в изменённой форме присутствует. Светские политические деятели, например, могут демонстрировать свою близость к церкви для увеличения собственного авторитета. Авторитет, основанный на общности традиций, этнической, культурной и религиозной принадлежности, всегда служит одним из путей установления обратной связи между властью и обществом.

Символическая власть церкви проявляется в ключевых моментах политического процесса, в частности, при передаче власти в стране от действующего главы государства его преемнику, когда одобрение церкви воспринимается необходимым. Большинство граждан положительно оценивают благословение президента патриархом в день инаугурации, положительно относятся к тому, что священнослужители освящают здания государственных учреждений, корабли, подводные лодки и т.д.*

Многие религии создают свою уникальную формулу фиксации стратификационной структуры общества, придавая ему стабильность и устойчивость**. Это становится возможным не только потому, что религиозная принадлежность служит средством сплочения тех или

* В этой связи интересным представляется мнение судьи Конституционного Суда Белоруссии, который пишет: «Церковь – главный хранитель традиционных нравственно-духовных ценностей народа. И известный консерватизм церкви, в чём её нередко упрекают, имеет скорее положительное, чем отрицательное значение» [8].

** Р.Мертон отмечал, что религии нередко способствуют примирению с низшим статусом, обосновывая «принятие нынешних бед вознаграждением в будущем», но в некоторых случаях религиозные институты могут развиваться таким образом, что, напротив, становятся стимулом и поддержкой бунта против низшего статуса [12].

иных социальных групп, но и благодаря наделянию смыслом социального расслоения, социальной иерархии. Неравенство, принадлежность индивида к определённому слою понимается верующими как божественное установление, не счита-

ется несправедливостью, но может наделяться определённой ценностью, рассматриваться как благо, поскольку является условием духовного совершенства («легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Божье»).

Религиозно-заданные модели поведения

Для сознания людей, принадлежащих к православной традиции, все установленные иерархические связи и социальный статус соотносятся с духовной реальностью, а целостность мира, его устройство обосновываются его отношениями с Богом.

В божественной иерархии каждый выполняет установленное Богом служение, каждый служит всем и всё – каждому. Человек занимает место в социальной иерархии, но его подлинное существование – в его отношениях с Богом. Эта теологическая основа определяет единство мира, где все локальные группы мыслятся как части более обширного, универсального сообщества, включающего и духовную, и небесную иерархии [2]. Глава светской власти (император, царь), входящий в состав иерархии духовной, наделялся священной властью над людьми – легитимация социального порядка обеспечивалась абсолютным божественным авторитетом, где церковь выступала его воплощением.

Советский режим приложил огромные усилия для того, чтобы стереть традиционные основы идентичности, уничтожить Русскую православную церковь, считая её идеологическим противником, конкурентом в попытке создания нового общества. Но эти усилия оказались тщетны: церковь через 70 лет возродилась.

Д.Зильберман полагал, что советская власть укоренилась благодаря тому, что соответствовала глубинным склонностям народа. Властные отношения в России имеют преемственность форм мышления в рамках одной культурной традиции. Когда царская харизма была десакрализована, а её носитель лишён власти, «марксизм всего лишь напомнил русскому народному сознанию о его традиционном пути» [9, с. 72]. Политическая власть высвободилась из православного контекста, но «сила религиозной идеи продолжала действовать и развиваться за пределами религиозного сознания, так же как на Западе с протестантизмом и капитализмом, это происходило, хотя и в совершенно другом измерении, в России с православием и коммунизмом» [9, с. 55].

В этом случае наиболее достойным и моральным способом действия выступает служение, выполнение долга: служба в армии, служба царю и пр. Идеал служения играл в течение многих веков важную роль в социальной жизни России. С.Л.Франк на начале служения основал свою социальную философию, полагая, что оно есть не только верховный принцип общественной жизни, фундамент, на котором стоит всякий государственный строй, но и выражение онтологической сущности человека [18].

До 1917 г. права и обязанности каждого сословия закреплялись, обосновывались и освящались религиозным мировоззрением народа*. В рамках «сотериологической логики» безусловное повиновение подданных царю есть обязанность, предписанная верой. Она входит в число христианских добродетелей, и её надлежащее выполнение способствует религиозному спасению.

Доводя эту логику до абсурда, Иоанн Грозный утверждал, что повиновение православному царю в любом случае является частью христианского благочестия, а если правитель поступает жестоко и несправедливо – это его личный грех, не избавляющий подданных от повиновения и не уменьшающий за него вечную награду.

Попытки утвердить религию в качестве опоры для правления сослужило плохую службу и российской династии, и церкви. Злоупотребление возможностями церкви по поддержанию институтов власти всегда приводит к её дискредитации, потере авторитета и влияния – это многократно случалось в истории, в том

числе и российской. Православная церковь активно, последовательно и нередко цинично использовалась российским правительством до 1917 г. как инструмент, призванный стабилизировать положение в стране, укрепить и легитимировать светскую власть.

Говоря о положении церкви в России в начале XX в., С.Л.Фирсов пишет: «Церковь, накрепко связанная с государством, не могла противостоять его политическим интересам, принуждённая по всем основным вопросам следовать в фарватере общеимперской политики светских властей» [16].

Выдвигая свою теорию «трёх охранительных начал», С.С.Уваров руководствовался прежде всего политическими соображениями. На первое место в триаде было поставлено православие, так как задумывалось по максимуму использовать его для укрепления существующего строя, в частности, его проповеди самоотверженности, покорности воле Божией, а также сложившееся в России церковное учение о царской власти [6].

Религиозная легитимация в демократическом обществе

Традиционные механизмы легитимации власти совершенно не уникальны, они встречались и долго оставались значимыми во многих

странах, в том числе считающихся эталонами демократии.

Традиционная религиозная легитимность сыграла важную роль в

* «В основе монархизма как проявления народного сознания лежало восприятие царя как помазанника Божия. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли». Идеальные отношения между царём и подданными строились как в хорошей семье, не на законе, а на доверии и любви. Идеал гласил, что царь – это отец, а граждане – его дети, от которых требуется послушание воле монарха [5].

становлении демократии в Северной Европе, Великобритании, Бельгии, Нидерландах и других странах, где демократические институты развивались при сохранении монархии. Многие страны при формировании демократических институтов были королевствами и сохраняли монархический строй.

С.Липсет отмечает, что свержение монархий и других традиционных носителей легитимности снижает шансы на выживание демократии. Обществу необходим легитимирующий символический глава государства, чтобы отделять отношение к институтам власти в целом от отношения к проводнику какой-либо политики. Всякая оппозиция будет направлена против системы и угрожать самим основам государства, если не будет видимого различия между высшим символическим носителем власти и временно находящимися у власти и реализующими ту или иную политику чиновниками [11].

Православие, оформившееся на востоке Римской империи в течение первого тысячелетия нашей эры, осталось в стороне от становления современных западных ценностей и институтов, лежащих сегодня в основе представлений о легитимации власти. У истоков зарождения современной демократии и плюралистического общества стоит протестантизм. Провозгласив новую сотериологию, реформаторы упразднили традиционные средневековые смыслы и заложили основы современной либеральной демократии.

Русская православная церковь чрезвычайно дорожит неизменностью своих ценностей и идеалов,

критически оценивая духовно-нравственные и политические стандарты, присущие секулярному западному миру. Сфера либерально-демократических понятий остаётся чужой для православных. Они склонны отвергать её целиком или принимать в готовом виде как неизбежность, не пытаясь переосмыслить, «пресушесть» исходя из базовых положений православия.

Между тем сегодня либеральная идеология и политическое могущество тесно связаны друг с другом. Господство либеральных и демократических идей в политике – это ключевой фактор, в частности, американского доминирования на планете. Если бы внутри православной традиции имелось своё видение демократии и прав человека, то это увеличивало бы и значение традиции, и её влияние на общество. Тот, кто имеет монополию на толкование демократии и выставляет оценки за демократичность, тот и обладает властью. Ведущие страны обладают достаточным влиянием, чтобы заставлять другие страны следовать западным либеральным принципам и наказывать тех, кто этого не делает.

«Обращение» народов к демократической системе ценностей, считающихся универсальными и пользующихся доверием и поддержкой населения, нередко означает и добровольное подчинение идеологической и культурной власти Запада.

Привлекательность западной демократии основывается на заманчивой перспективе жить так же хорошо, как живут люди на Западе. Но растущие экологические сложности ведут к тому, что это становится в принципе неосуществимо для основ-

ной массы человечества*. Сегодняшний мир становится всё более дифференцированным, неравенство и отрыв высокоразвитого «ядра» от зависимой и слабо развитой «периферии» и «полупериферии» увеличивается. Сокращать этот отрыв «ядерные» страны совсем не заинтересованы.

Демократизация под их руководством, включающая копирование западных моделей и стандартов, следование советам иностранных экспертов в стремлении улучшить всевозможные индексы демократии и прав человека, всегда будет означать развитие страны в сторону ослабления, раскола и упадка.

В современной России религиозный фактор в легитимации власти во многом утратил значимость. В формально демократическом российском обществе механизмы внутреннего воспроизводства властных отношений находятся вне религиозного контекста, но его структурные характеристики, формы мышления продолжают действовать и развиваться.

Православные ценности, символы и представления о власти сохраняют определённое значение, хотя, конечно, господствующее место занимает «импортная» система идей либеральной демократии – пока наиболее убедительная и приемлемая в современном мире.

Всё больший отрыв от реальности господствующей политической идеологии, предполагающий вектор на построение демократии по западным лекалам и движение в фарватере вестернизации, делает актуальным поиск альтернативных моделей политической власти, на основе своей традиции.

Примечания

1. Бенца А. де. Вперёд, к прекращению роста! Эколого-философский трактат. М.: Институт общегуманитарных исследований. М., 2013. С. 69.
2. Бицлли П. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 62–99.
3. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 209.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 39–55.
5. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 439.
6. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. [и др.]. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 123.
7. Гусев А.А. Экологическая ниша России // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 46.
8. Данилюк С.Е. Современная концепция прав человека: не пора ли внести коррективы? // Обозреватель–Observer. 2011. № 2. С. 31.

* В разного рода экологической литературе часто говорится об «экологическом следе» (*ecological footprint*), который, к примеру, у США в 5,6 раза больше доступной продуктивной экологической поверхности. Если бы все жители земного шара достигли того же уровня жизни и потребляли бы столько же, сколько американцы, то понадобилось бы до семи дополнительных планет [1].

Сегодня экологический кризис начинает оказывать ощутимое влияние на политику, а «экологическая политика переходит в разряд стратегических задач государства» [7].

9. Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. С. 72, 55.
10. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теории / пер. с англ. А.Ю.Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2005. С. 47–48.
11. Липсет С.М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5.
12. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ. Хранитель, 2006. С. 136.
13. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 52, 61–62.
14. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М., 1998. С. 25.
15. Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010. С. 70–74.
16. Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890–х – 1918 гг.). М., 2002. С. 46.
17. Флоренский П. Философия культа (опыт православной антропологии). М.: Академический Проект, 2014. С. 296.
18. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 107–108.

Подписка на 2015 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год